
Пушникова Г.В.

ВСЕ ЭТО БЫЛО В ПРОШЛОМ ВЕКЕ, ЗАБЫТЬ КОТОРОЕ НЕ СЛЕД...

Время мчится с космической скоростью. На горизонте очередной Юбилей нашего родного НИИ. Значительное количество лет за плечами (или за стенами) института. Те, кто основывал его и начинал трудиться на Сахалине, ушли в мир иной, оставив нам огромный багаж накопленного материала в первые десятилетия функционирования института. Низкий им поклон и вечная память. О многих из таких первооткрывателей я вспоминала в статье про исследователей сельди на Сахалине, опубликованной в одном из юбилейных сборников. Писала про их вклад в пополнение архива первоисточников, что было наиболее важным для последователей. Можно было сравнивать свои материалы с теми, которые были получены десятилетиями ранее. Это был отряд с гордым именем СЕЛЬДЕВИКИ САХАЛИНА: А.И. Амброз, А.П. Веденский, А.И. Фролов, М.Н. Кривобок, О.Д. Пескова, М.А. Алексеевская, А.И. Мищенко, А.Т. Шурин, И.Г. Фридлянд, К.А. Шнель, Т.Л. Демидова, М.В. Ванюшина, И.А. Пискунов, И.А. Варварин, А.Н. Пробатов, В.Г. Богаевский, М.С. Кун, Г.И. и М.М. Гайл, А.Д. Дружинин, Б.М. Козлов, В.А. Соколов, И.С. Покровская, В.И. Иванкова, В.Л. Андреев...

В первом ряду в центре – А.И. Фролов, Ю.А. Фролова и другие сотрудники – первооткрыватели СахТИНРО

Некоторые из них начинали свой путь в далеком 1932 году в Александровске Сахалинском, на базе созданной там научно-исследовательской станции. Это северо-западное побережье Сахалина. Своими наблюдениями сотрудники могли охватить только северную часть острова. На юге хозяйничали японцы. Во второй половине 40-х годов центром сырьевых исследований стал небольшой поселок на юго-западном побережье. Коллектив ученых переместился на юг, а на севере был оставлен наблюдательный пункт, где продолжился сбор традиционных материалов. Новое место осваивали энтузиасты разных возрастов, которых не пугали неустроенности быта, не совсем благоприятные условия жизни, оторванность от центра России... Совсем неважно, что приходилось жить в домах барачного типа. Главное – весь остров теперь наш, российский! Исследования можно планировать с учетом этого, не опасаясь возникновения пограничных неприятностей на смежных территориях.

С немногими из этих людей мне посчастливилось пообщаться, когда мы с мужем (Пушниковым Виктором Васильевичем) приехали на Сахалин после окончания Дальрыбвтуза. Институт находился в поселке Антоново, что недалеко от порта Холмск на юго-западном побережье острова. Монументальное красивейшее здание на берегу моря, со шпилем, на который ориентировались капитаны судов, подходивших к побережью в этом районе. Рядом со зданием института находились дома для сотрудников. Перед институтом – с любовью созданный и ухоженный сквер, цветник. Словом, небольшой, хорошо обустроенный научный городок на берегу моря. За 20 лет территория кардинально преобразилась.

Виктор был знаком с СахТИНРО, поскольку находился здесь на преддипломной практике год назад. Вместе с Чупахиным Владимиром Михайловичем собирал материал по лососям на о. Итуруп. Виктора приняли в лабораторию, где изучали естественное воспроизводство лососевых. А у меня преддипломная практика была связана с искусственным разведением лососей. Я собирала материал для диплома на рыбозаводном заводе в пос. Лесное. Руководила моей практикой главный рыбовод Князева Кармен Александровна. (Впоследствии, став директором, она много лет руководила заводом). Я и предполагала, что примут меня в лабораторию, где занимались изучением искусственного воспроизводства лососевых. Помню, вхожу в кабинет директора, волнуясь, дрожь в коленках. (Я уже кое-что узнала от Виктора и от своих преподавателей об институте, его сотрудниках и руководстве, направлениях исследований. В голове крутились мысли о том, смогу ли, справлюсь ли). Аркадий Иванович Румянцев, директор, увидев мое состояние, вышел из-за стола навстречу, пригласил присесть на стул и... началась наша беседа. Я про искусственное разведение лососей, а он мне про лабораторию морских промысловых рыб и океанографии... какие там необыкновенные исследования осуществляются, сколько видов рыб изучают, какие они разные, но самый интересный вид, на который он рекомендовал обратить особое внимание, это сельдь. И поведал о том, как увлекла его проблема внутривидовой организации сельди, промыслом которой занимались сахалинские рыбаки. Заговорил о постулатах Э. Леа, о том, что чешуя сельди является ее жизненным

сертификатом. Показал фотографии склеритов, полученных при увеличении в 650 раз. В результате этих исследований сотрудники предположили, что в водах Сахалина существует три группы сельди: океаническая, морская и лагунная. Пока это гипотеза. Но она основана на анализе большого фактического материала. И требует дальнейшего внимательнейшего изучения. Ну и т.д.

Я видела перед собой человека, настолько увлеченного проблемой, что, казалось, ничего другого вокруг не существовало. Фотографии склеритов, карта миграций сельди в разные периоды онтогенеза, таблицы, графики... Фамилии тех, кто изучал сельдь на Сахалине... Глаза горят... Он так увлек меня сельдовой тематикой, что другие виды гидробионтов вообще исчезли из памяти вчерашней студентки ихтиологического факультета. Беседа наша закончилась тем, что принята я была в лабораторию морских промысловых рыб и океанографии. Уговорил меня Аркадий Иванович. Надо сказать, впоследствии я не раз вспоминала его с благодарностью.

С Аркадием Ивановичем прошли в лабораторию, где мне предстояло трудиться. (Был август. Лето. Большая часть сотрудников находилась в отпусках или на полевых. В здании почти никого не встретили). И вот лаборатория морских

промысловых рыб и океанографии. В одном из кабинетов я была представлена сотруднику, который что-то писал в одиночестве. Александр Иванович Фролов.

Я не забыла о том, что Аркадий Иванович только что упоминал статью Фролова о сельди северо-восточного побережья Сахалина. Александр Иванович отложил ручку, карандаш и радостно приветствовал нас. Запомнилась улыбка, располагающего к себе человека. Было件нятно: Александр Иванович обрадовался возможности пообщаться с директором

А.И. Фролов в лаборатории

и с новым сотрудником, который, как он услышал, будет подключен к группе сельдеви́ков. И снова беседа о сельди. Теперь с Александром Ивановичем. Честно признаться, я отчасти ошалела от информации, которую он поведал. Правда, не столько от ее количества и разнообразия, а совсем по другой причине. Передо мной сидел инвалид. Он перемещался с помощью костылей. Ноги вообще не работали. А рассказывал мне о том, как собирали материал в Александровском районе (северо-западное побережье Сахалина), в заливах Ныйво, Чайво и Пильтун (северо-восточное побережье Сахалина), в Сахалинском заливе

(северная часть острова), озере Тунайча и т.д. Я не понимала, как он мог со всем этим справиться? Каким образом осуществлялся сбор материалов в таких отдаленных районах? Предположила: возможно, подключал помощников? Есть же лаборанты, техники, которые должны выезжать в командировки в районы промысла сельди и выполнять биоанализы, массовые промеры, собирать данные статистики промысла... Решила не прямо в лоб задать вопрос, а схитрить. Попросила своего собеседника поведать мне о природе тех мест Сахалина, где осуществлялся сбор материалов. И Александр Иванович очень вдохновенно описал мне пейзажные особенности всех районов, отметил наиболее близкие ему уголки природы Сахалина. Сомнений не было: он лично занимался сбором материалов всюду.

Наши беседы с Александром Ивановичем о сельди, истории исследований, о тех, с кем ему довелось поработать, продолжались несколько дней. Я познакомилась с сотрудниками лаборатории, которые периодически появлялись в институте. И вдруг... аврал. Институту выделен НИС (научно-исследовательское судно), которое должно было выйти в район промысла скумбрии, выполнить указанную съемку и собрать стандартный биостатистический материал. Судно уже на подходе к Невельску, где планируется взять на борт сотрудника СахТИНРО. А в лаборатории морских промысловых рыб из сотрудников только Александр Иванович Фролов и я, которая еще вовсе не обстреляна в подобных исследованиях. И руководство принимает решение: в рейс отправятся Фролов А.И. и Пушникова Г.М. Других вариантов не было. Александр Иванович должен был обучить меня всем премудростям морских съемок. Ожидая сообщение о подходе судна, мы проштудировали все материалы по скумбрии, обитающей в районе Южных Курил. Таковых, к сожалению, было совсем немного. Обсудили организационные вопросы. Александр Иванович успокаивал меня и часто повторял, что все будет хорошо. Еще тепло, значительных штормов не должно быть. Работать придется много, скучать времени не будет. И вот сообщение: Судно завтра будет в Невельске. Просматриваем все, что собрано, упаковываем. Наверное, больше всех за моего наставника волновалась и переживала я. А он спокойно отдавал распоряжения по загрузке необходимого оборудования на машину, потом водрузился на сиденье рядом с водителем, помахал рукой всем провожающим и... мы отправились.

В Невельске нас ожидало судно типа СРТМ. Когда мы вышли из машины на причале, и я увидела трап, по которому нам предстояло пройти на судно, почувствовала что-то типа оторопи. Несмотря на то, что я уже много чего слышала об Александре Ивановиче, мне стало как-то неуютно. А он был совершенно спокоен. Отдавал распоряжения. Следил, чтобы перегружали все аккуратно. Затем сам двинулся по трапу. Матросы, которые занимались нашим оборудованием, как и я, оторопевшие, но быстренько пришедшие в себя, контролировали переход Александра Ивановича с причала по трапу на судно. И там сопровождали его до каюты. При этом был только контроль и готовность поддержать в нужный момент. Причем так, чтобы наш герой даже не заподозрил

А.И. Фролов на палубе с командой судна

это скрытое стремление помочь. Двигался он самостоятельно. В начале рейса многие из команды задавали вопросы по поводу того, как можно отправлять в рейс инвалида? Неужели в институте нет здоровых людей? Но эти вопросы быстро прекратились, как только судно вышло в район промысла скумбрии, и мы приступили к своей непосредственной работе. Все поняли, что Александр Иванович энтузиаст без комплексов. Для него наиважнейшим было выполнить порученное задание достойно. Объяснял, командовал, требовал. Бывало, и поругивал кого-то. Команда, надо отметить, относилась к нему с пониманием и уважением.

В рейсе он многому научил меня. Делая биологический анализ скумбрии, он обязательно обращал мое внимание на особенности при сборе такого материала по сельди. И очередной раз рассказывал про внутривидовую структуру сельди Сахалина. В рейс прихватил несколько своих статей. Было что обсудить. Сельдевая тематика прочно поселилась в моей голове. Под влиянием бесед с Аркадием Ивановичем Румянцевым и Александром Ивановичем Фроловым у меня сформировалось мнение о том, что сельдь – это королева ихтиологического сообщества. С этой рыбой связано много интересного, непознанного и даже необычного и мистического. Чем глубже изучаем, тем больше вопросов, но не ответов.

Время пролетело как-то незаметно. Съемку завершили, надо было возвращаться в институт. По пути в Невельск попали в шторм. Ветер, волны... стихия бушевала. Вот и Невельск на горизонте. Встаем на рейде. С ужасом смотрю на приближающийся катер. И начинаю понимать кошмар ситуации. Неужели нас будут пересаживать в такую погоду на это суденышко? Ничего не понимаю.

Команда готовится к нашей эвакуации. Обращают внимание на мое состояние близкое к панике. (А думала я не столько о себе. Я не представляла себе, как Александр Иванович преодолет предстоящее перемещение). Подбадривают нас матросы. Им надо побыстрее избавиться от нашего присутствия, потому что далее их путь лежит в сторону дома, во Владивосток. Вижу, как траловая бригада расправляет на палубе какую-то сеть и сооружают что-то наподобие кокона. В эту авоську помещают Александра Ивановича, цепляют ее к крану и... перемещают на подошедший катер. А всех других просто перекидывают в руки матросов с катера. При этом, погода бушевала, не переставая. Эмоций буря. У меня Александр Иванович спокоен. Улыбается. На берегу нас ждала машина. Погрузили имеющийся скарб и поехали в институт.

Ко времени нашего возвращения лаборатория пополнилась вернувшимися из отпусков и с полевых. Новостей много. Постепенно знакомилась со всеми и продолжала общаться с Александром Ивановичем. Училась, училась и училась... многому.

В 70-е годы биологи активно внедряли в свои исследования методы математического моделирования. Группу таких интересующихся в нашем институте возглавлял заведующий лабораторией, где я трудилась, Фауст Георгиевич Швецов. Причем он не замыкался в своей раковине, он активно делился своими знаниями со всеми. И призывал всех нас осваивать эти методы. Особенно интересны были статьи зарубежных коллег. Бивертон и Холт, Рикер, Поуп... В библиотеку института регулярно поступали зарубежные сборники, наполненные статьями, которые освещали вопросы морской биологии.

И здесь не могу не вспомнить хранительницу нашей замечательной библиотеки, Юлию Александровну Фролову, жену моего гуру по сельди. Во-первых, всегда добрая, располагающая к общению улыбка. Это был человек, с которым хотелось общаться. Забежишь в библиотеку мимоходом, мол, были поступления? Юлия Александровна тут же предложит тебе что-то из новенького. И ты зачитываешься: очень интересная информация. А она смотрит на тебя с чувством особого удовлетворения: еще одному расширила кругозор. Ко всем книгам, журналам она относилась с какой-то особой любовью, схожей с материнской. Оберегала все издания, предупреждала об особой значимости каждого и просила нас сохранять их в том виде, который получили из ее рук. Какие-то, особо ветхие или подпорченные неуклюжими пользователями, «лечила» сама. В ее памяти было уложено все: от ископаемых материалов, до современных публикаций по разделам и полкам. Ты еще не договорил, что тебе необходимо, а она уже несла со стеллажа то, что ты не успел озвучить. Она и подписками занималась. Находила нам многое, что помогало сотрудникам двигаться вверх по ступеням знаний. А в те времена не было еще интернета...

Статьи были опубликованы на разных языках. С английским было проще. Многие сотрудники неплохо справлялись с переводом. А вот со статьями на немецком языке были сложности. Помню, Галина Швецова переводила описание формул, рисунков, таблиц, а Фауст Георгиевич вводил в формулы

данные по двухлинейной камбале и занимался расчетами. А мы следом за ним – по своим подшефным объектам. Интерес был огромнейший. Покоряем новые вершины! Но... какими приборами мы располагали? В лучшем случае – арифмометрами. Кажется, так назывались те приборы, которыми мы пользовались. Сейчас без смеха и не вспомнишь. А тогда... Тогда мы осваивали математические методы и были на вершине счастья, когда получалось что-то интересное. Где вручную, где с помощью тех супермашин, арифмометров. Как-то с гордостью показываю результаты своих расчетов по сельди Александру Ивановичу и жду от него восхищения. А он отложил в сторону мой труд и грустно сказал: «Все это выбражульство». Неожиданно. На мое удивление и вопрос: почему он так считает, ответил: «Главное в нашей работе – добросовестно и своевременно собранный материал, а также интуиция ихтиолога, способного проанализировать все имеющееся». И повторил: «А это все – выбражульство». Конечно, мы понимали, что где-то прав наш главный специалист по сельди. Но как же новые методы? Нет, не можем мы отставать от своих зарубежных коллег. И продолжали... Новое для нас слово от Александра Ивановича использовали, как Пушкин старославянские слова и выражения в своих произведениях.

Зачастую после работы торопились домой, готовили ужин, решали все вечерние дела с семьями и... возвращались в лаборатории, чтобы продолжить то, что еще не завершено, а потому интересно. Очень хотелось увидеть результат поскорее. Постепенно Александр Иванович заинтересовался нашими изысканиями. И теперь уже я посвящала его в новые для него направления анализа материалов. Он смотрел на графики и рисунки, отмечал, что красиво все

В походе. Ф.Г. Швецов: «Ну сколько раз можно повторять? Для пелагических рыб не стоит применять метод Бивертон» (крайняя слева Г.М. Пушникова, 1970-е годы)

выглядит, но... при этом непременно повторял, что такие же результаты были получены и при анализе материалов с использованием старых методов. Возможно, без красивых картинок и графиков. Но это не главное в нашей работе. Так и не убедили мы нашего старейшего коллегу принять и понять новые методы. В августе 1976 года Александр Иванович ушел от нас на пенсию. А проработал он в институте после окончания Казанского государственного университета 39 лет – с 1 октября 1937 г.

Мы продолжали трудиться в каком-то особом, сформированном нами ритме. Даже в походах обсуждали результаты своих расчетов. Помню, на привалах зачастую случались диспуты. Мне как-то не очень понравились результаты анализа материалов по сельди с использованием метода Бивертонна. Почему-то по камбалам было все понятно, а по сельди только вопросы. Фауст Георгиевич порекомендовал внимательно почитать статью и обратить внимание по каким видам авторы анализируют материалы и производят свои расчеты. К обсуждению подключались и те, кто занимался изучением лососей. Пожалуй, такие импровизированные обсуждения на природе были наиболее интересны.

Мы тоже относили себя к энтузиастам. Полевые, сбор биостатистических материалов своевременно и качественно (это внушили нам наши предшественники!), морские съемки, обработка и обсуждение полученных материалов, результаты расчетов, конференции, симпозиумы... Но... продолжалось это до того периода, когда наука была отправлена на панель. А это уже совсем другая история.